

Как законопослушный и спокойный современный человек, Цзи Янь просто не мог представить, как Хэ Ювэнь смог пережить всё это.

— Это я виноват перед тобой. Скажи, что ты хочешь, и я исполню это в качестве извинений.

Цзи Янь ожидал, что Хэ Ювэнь снова будет выглядеть безучастным и долго молчать, но, к его удивлению, тот сразу сел и посмотрел на него:

— Правда?

В глазах мальчика снова появилась искра надежды на жизнь. Как духовный наставник на его жизненном пути, Цзи Янь почувствовал облегчение.

— Правда!

Ребёнок снова обрёл волю к жизни, и Цзи Янь, как его душевный наставник, почувствовал глубокое удовлетворение.

— Правда!

Цзи Янь думал, что после слов «особенно ароматно» эта ночь непременно будет необычной и обязательно случится что-то не предназначенное для детей.

Думая о том, что может произойти, Цзи Янь не мог успокоиться и ворочался в постели.

В прошлый раз это было под воздействием снадобья, страстный порыв, в основном одно удовольствие за другим. А сейчас придётся действовать в трезвом уме — будет ли больно?

Цзи Янь всегда боялся боли, даже маленькая ранка могла довести его до изнеможения. После долгих раздумий он тайком зашёл в [Системный магазин] и купил смазку и презервативы, а Диндон задал ему множество вопросов.

Спрятав «орудия преступления» под подушку, он начал представлять, как Вэнь И набросится на него, как он достанет всё это и как объяснит Вэнь И, что к чему.

Но в этот день, по неизвестной причине, Вэнь И вернулся очень поздно. Цзи Янь постеснялся посылать кого-то за ним и, прождав, заснул.

На следующее утро, проснувшись, он обнаружил, что место рядом пусто, а одеяло уже остыло. Если бы не следы на подушке, Цзи Янь мог бы подумать, что Вэнь И вообще не возвращался.

Чем это отличается от одиночества в пустой спальне? Цзи Янь чувствовал раздражение, смешанное с пустотой от неудовлетворённого желания и стыдом.

Выйдя из-под одеяла, он заметил, что сегодня было особенно холодно, намного холоднее, чем вчера. Даже надев три слоя одежды, он всё равно чувствовал, что этого недостаточно.

Закончив умываться, он сел за стол и увидел в гостиной аккуратно одетого Хэ Ювэня.

Вчерашний удар Вэнь И выглядел сильным, но, боясь напугать Цзи Яня, он использовал лишь десятую часть своей силы. Благодаря заботе слуг, которых послал Цзи Янь, Хэ Ювэнь за ночь уже почувствовал себя лучше.

Едя лапшу с острым перцем, Цзи Янь почувствовал, как всё тело наполнилось теплом, и

улыбнулся:

— Рано встал!

Хэ Ювэнь не стал его утруждать ответом. Уже почти наступил час змеи, и только Цзи Янь мог считать это ранним временем.

— Ты обещал мне вчера, не забудь.

Только тогда Цзи Янь понял, что Хэ Ювэнь ждал его здесь с утра, чтобы поскорее вернуться домой.

Действительно, каким бы ни был ребёнок, куда бы он ни отправился, дом всегда остаётся тем местом, куда он хочет вернуться.

Дом... Цзи Янь вдруг задумался, где же его собственный дом.

—

— Разве это только середина октября? Почему уже так холодно?

Цзи Янь подумал о мире, из которого он попал в книгу. Октябрь там был прекрасной осенью, но здесь погода была совсем другой.

Его слова звучали как слова пришельца. Хэ Ювэнь подумал об этом и вспомнил, что вырос в Чанъане и никогда раньше не слышал о таком человеке, как Цзи Янь. Откуда же он взялся?

Байлу, привыкшая к такому, добавила тонкий меховой воротник к одежде Цзи Яня и мягко сказала:

— В Чанъане так каждый год, с середины октября становится всё холоднее.

Сидя в карете, Цзи Янь вдруг осознал.

На самом деле погода здесь не отличалась от реальной, просто он привык к солнечному календарю, а в Великом Чу сейчас использовался лунный календарь. Середина октября по лунному календарю соответствовала ноябрю по солнечному.

Цзи Янь всегда любил смотреть в окно кареты, наблюдая за прохожими, экипажами или уличными зданиями, и до сих пор находил это новым и интересным. Но сегодня, открыв занавеску, он заметил что-то необычное.

— Почему сегодня такая большая процессия?

За его каретой следовал отряд охраны, судя по всему, это были легендарные цзиньи-вэй. Это было слишком грандиозно, и никто не предупредил его заранее.

Услышав это, Байлу слегка постучала по стенке кареты, и Гуюй ответил:

— Господин, император сказал, что сегодня в Чанъане беспокойно, поэтому прислал больше людей.

— Беспокойно?

Сердце Цзи Яня ёкнуло, и он внимательно посмотрел на улицу.

Беженцы.

Целыми толпами.

Цзи Янь собирался отправиться с Хэ Ювэнем в усадьбу Хэ, чтобы заодно извиниться перед тем старым сановником, учителем двух императоров, Хэ Тайфу, и спасти репутацию Вэнь И. Но, увидев столько беженцев, он изменил свои планы.

Доставив Хэ Ювэня в усадьбу Хэ, Цзи Янь вышел из кареты.

Идя по улице, он почувствовал, как холодный ветер пронизывает его, и сердце похолодело наполовину.

Сегодня Чанъань был более многолюдным, но при этом более пустынным, чем обычно. Возможно, увидев беженцев, многие торговцы не вышли на улицы, опасаясь за свою безопасность. На улицах были только оборванные беженцы, а солдаты и охрана поддерживали порядок, обеспечивая безопасность жителей Чанъаня.

— Все они пришли сегодня?

Гуяй:

— Да.

Цзи Янь наконец понял, почему Вэнь И не спал прошлой ночью. Беженцы прибыли в Чанъань, он не мог оставить своих подданных без помощи, но при этом он должен был учитывать все скрытые опасности и проблемы, которые это могло принести жителям города.

— Сколько их примерно?

— Цзяннань далеко, до Чанъаня добрались только около двух тысяч человек.

А сколько их было в начале пути? Цзи Янь не хотел думать о том, с какими чувствами они отправлялись в путь и сколько холодности и презрения встретили на своём пути.

Вэнь И, вероятно, провёл всю ночь, всё организовывая, и теперь всё шло своим чередом.

Остановившись неподалёку от пункта раздачи каши, Цзи Янь спросил:

— Это император организовал?

— Нет, император организовал многое, но этот пункт — князя Нина.

Князь Нин? Цзи Янь вспомнил, что такой человек действительно существовал.

В королевской семье мало кто был хорош, но князь Нин был единственным бесстрастным, буддийски настроенным князем, которого можно было считать хорошим человеком. Всю жизнь он честно и спокойно жил праздным князем, иначе он не смог бы дожить до сегодняшнего дня. Когда Цзи Янь читал книгу, он оставил о нём хорошее впечатление. Говорили, что в молодости он был красавцем.

Даже издалека Цзи Янь видел, что каша в котле была очень жидкой, больше похожей на воду.

Но он понимал, что это было правильно. Эти люди не знали, сколько времени им понадобится, чтобы обосноваться, и кормить их каждый день было нелёгкой задачей.

— Байлу, сходи в лавку паровых булочек «Пяосян» и скажи им закрыться сегодня. Пусть приготовят больше паровых булочек, они мне понадобятся.

Место, где стоял Цзи Янь, было недалеко от лавки паровых булочек, и Байлу быстро вернулась, держа в руках палочку танхулу.

На улице не было ни одного торговца, и Цзи Янь не знал, где она её купила. Он понимал, что Байлу хотела его порадовать, и, улыбнувшись, взял её, но не стал есть.

Это был первый раз, когда он так близко увидел беженцев. Их было так много, их вели солдаты, и они становились всё больше. Все они были грязными, измождёнными, взрослые держали детей, поддерживая друг друга. Они выглядели хуже, чем Ли Гэнь и Чжан Гуй, когда были нищими, словно они перенесли все страдания этого мира. Они резко контрастировали с процветающим Чанъанем.

У них были свои дома, они старались жить, они не сделали ничего плохого. Они были невинны, но когда пришла беда, она не пощадила никого.

Цзи Янь всегда считал этот мир ненастоящим, даже после появления Вэнь И, Цзи Пинъаня, Байлу... Эти живые люди лишь частично придали ему ощущение реальности.

В книге было много описаний катастроф, и цифры были ужасающими, но для Цзи Яня это были всего лишь холодные слова. Все его приготовления и меры предосторожности были лишь для того, чтобы укрепить трон Вэнь И, и не имели большого отношения к простым людям.

Он делал дела, полные заботы о народе, но в душе оставался холодным, словно это была важная игра, где главной целью была победа и чувство превосходства.

Но сейчас он стоял на улице, и мимо него проходили бесчисленные беженцы. Они смотрели на него с завистью или надеждой, и он не мог произнести ни слова.

Цзи-наставник жизни-Янь: Спасение заблудшей овцы — я просто великолепен!

Хэ-спасённая овца-Ювэнь: Конец.

Благодарю читателя «Клубничное зеркальце!» за брошенный камень, спасибо за поддержку!

<http://bllate.org/book/16137/1444550>